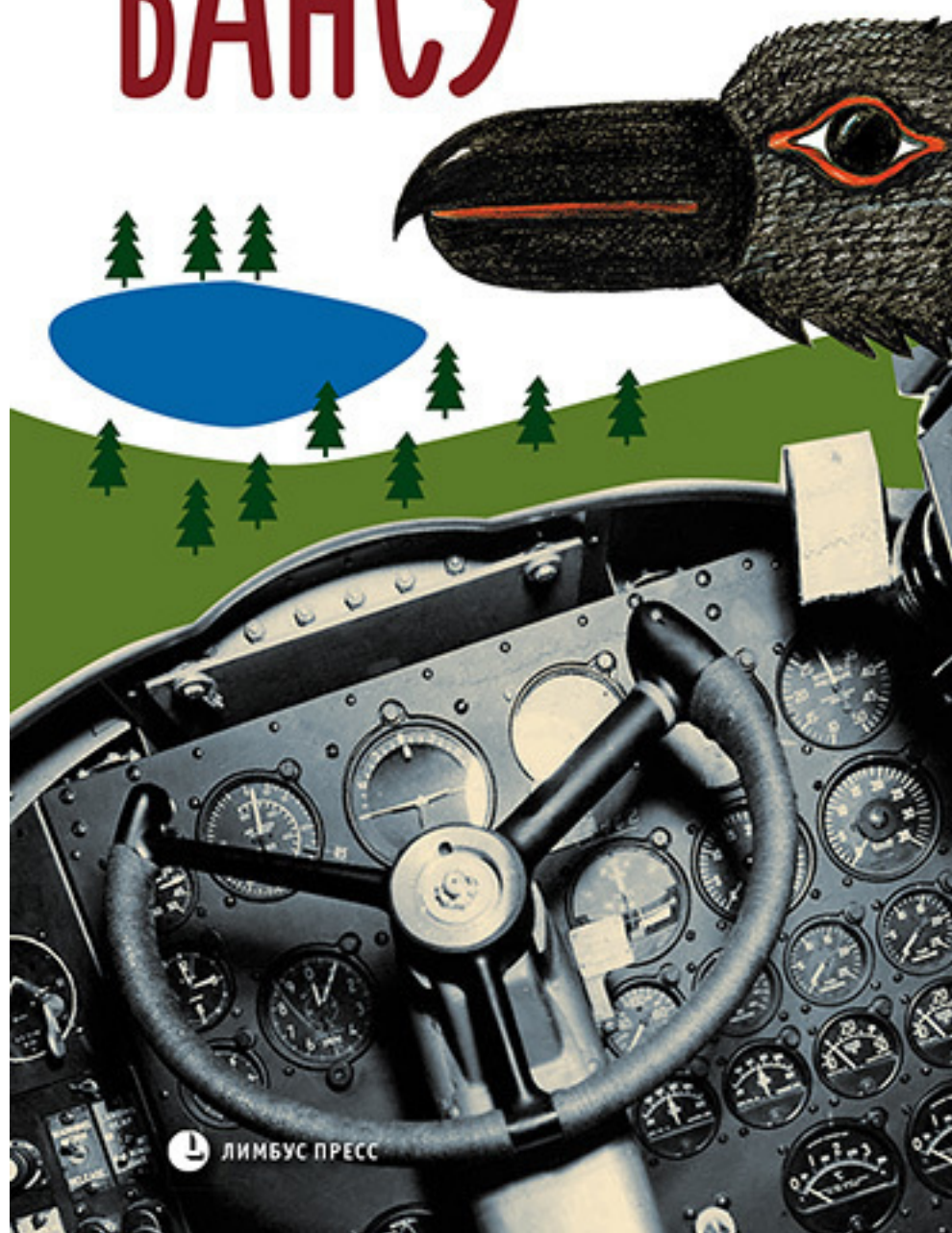

Илья Бояшов

БАНСУ

Илья Бояшов

Бансу

«Издательство К.Тублина»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Бояшов И. В.

Бансу / И. В. Бояшов — «Издательство К.Тублина», 2019

ISBN 978-5-8370-0881-8

В основе новой повести лауреата премии «Национальный бестселлер» Ильи Бояшова лежит реальная история, произошедшая летом 1943 года на Аляске. Советский экипаж перегоняет по ленд-лизу из Америки в СССР двухмоторный бомбардировщик «Дуглас А-20 Бостон». Приземлившись для дозаправки на авиабазе в Номе, небольшом городишке на побережье Аляски, пилот обнаруживает, что колпак турели, где находился штурман, открыт, а сама турель пуста. На поиски пропавшего штурмана, в парашютной сумке которого был тайник с ценными разведданными, отправляются две поисковые группы – советская и американская...

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0881-8

© Бояшов И. В., 2019
© Издательство К.Тублина, 2019

Содержание

I	6
II	12
III	16
IV	18
V	19
VI	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Илья Бояшов

Бансу

Есть многое на свете, друг Горацио, Что и не снилось нашим мудрецам.

У. Шекспир. Гамлет

(пер. М. П. Вронченко)

© И. Бояшов, 2019

© ООО «Издательство К. Тублина», 2019

I

Жили-были в годы войны два летчика – штурман Алешка Демьянов и пилот Вася Чиваркин. И служили парни не где-нибудь, а в 1-й перегонной авиадивизии: оба в составе одного экипажа доставляли из Америки в СССР добротные американские «бостоны». Двадцативосьмилетний Чиваркин имел за спиной службу на Крайнем Севере. Демьянов, будучи на три года помладше пилота, считался способным штурманом и успел повоевать на белофинской. Понятное дело, летуны рвались на фронт, но каждому раз за разом отказывали: для перемещения драгоценной техники требовались спецы, а с опытом и у того и у другого все было в порядке.

Небо над Юконом в 1943 году постоянно жужжало: трасса «Алсиб» была весьма оживленной, и перевозили по этой воздушной трассе в Якутск (и далее) оборудование для радиостанций, медицинские инструменты для госпиталей, лекарства, оружие, сало, тушенку, яйца, иголки, бумагу, слюду, резину – короче, все, чем тогда делилась с затянувшей ремень на последнюю дырочку Россией богатая и вальяжная Америка. И делилась, надо заметить, не просто так, а за щедрое русское золото, которое отправлялось в страну демократии обратными рейсами. В СССР ценили и швейные машинки фирмы «Зингер», и шоколад, и обыкновенные гвозди, но ленд-лизские самолеты все-таки стояли в особом ряду. Принимали их отечественные летчики, в том числе Демьянов с Чиваркиным, «из американских рук» в Фэрбанксе, городе в самом центре суровой Аляски, где, как и в Сибири, особо не забалуешь. Этот Богом забытый городок был избран для подобных операций из-за своей удаленности от побережья. Делать «местом передачи» не менее захолустный, расположившийся возле океана Ном союзники не решились, так как к местным берегам подбирались ловкие и наглые самураи (часть Аляски японцы тогда уже оккупировали).

Двухмоторный «Бостон А-20» – птичка послушная, проблем с ним особых не возникало. В управлении бомбардировщик по простоте мог дать фору более сложным отечественным «пешкам»; легко взлетал и легко садился; в случае чего спокойно шел на одном двигателе, виражи закладывал непринужденно, да такие, что закачаешься; моторы работали надежно, запускались с пол-оборота, ресурс «райтов» превышал ресурс отечественных двигателей вдвое, а то и втрое. Подобному качеству советские летчики радовались, но, с другой стороны, конечно же, за собственную промышленность огорчались и, сравнивая с американской, частенько ее поругивали. Сидеть в кабинах «А-20 G» (прозвище самолета – «Жучок») – одно удовольствие: обзор отличный, кресла мягкие, спать в таких, а не летать, да еще и с бронезащитой. А чего стоила система кабинного отопления! Конечно, были и недостатки, но касались они, в основном, использования «бостона» в бою и для мирных перегонов значения не имели.

Так дело и шло: прилетали Демьянов с Чиваркиным за очередным «Жучком» на американский аэродром; останавливались в местной казарме, где выделено было русским пилотам несколько двухкочных комнат; питались «от пуза» в летной столовой; лопали качественный шоколад, курили «Кэмел» и ждали, когда дотошные отечественные инженеры облазят, осмотрят и обнюхают очередной доставляемый к далекому фронту самолет. А затем надевали парашютные сумки, забирались в новенький «бостон» – и, как говорят американцы, «Гуд лак, Раша»!

Времени у них для отдыха в этом самом заграничном Фэрбанксе в случае плохой погоды или задержки с приемкой было предостаточно; матрасы в казарме упругие, без «пролежней», наволочки всегда свежие, душ есть, на столе обязательно графин с водой, на окнах противомоскитные сетки. Спалось здесь хорошо, елось за двоих. Однако, несмотря на слаженность как профессионалов, между пилотом и штурманом не все было гладко: сказывались и усталость от напряженной работы, и разница характеров. Чиваркин – природный молчун, его за глаза

даже прозвали Вася-могила. Демьянов – любитель не только поговорить, но, что опаснее, и пофилософствовать, причем философствования его были далеко не безобидны.

Когда появился он в Фэрбанксе в первый раз, то, помня наставления людей из соответствующих органов, еще озирался и помалкивал, тем более чутких ушей оказалось и здесь немало: трудилась на аэродроме целая советская колония из военспецов-приемщиков и товарищей, которые особо себя не афишировали, но цепко держали аэродром и окрестности в поле зрения. Однако за первым последовал еще один перелет и еще – а когда счет пошел на двадцатый вояж и сотрудницы столовой – две маленькие коренастые эскимоски, похожие друг на друга иссиня-черными волосами и северной раскосостью глаз, и негритянка с грудями-дынями и русским именем Нина – стали приветствовать его, как своего, Демьянов осмелел и даже стал подмигивать кое-кому из попадающегося по дороге персонала, а вскоре и вовсе активно заговорил «на пальцах» с американскими техниками. Короче – жизнь демократической Америки ему откровенно нравилась. Как правило, на все попытки штурмана завести разговор о политике Чиваркин отмалчивался; если отвечал, то односложно, взвешивая каждое свое слово, подобно увесистому камню, а Демьянова, словно нарочно, как только оказывались они в американской казарме, кто-то за язык принимался дергать: с каждым разом речи его становились все развязнее. Дошло до того, что Чиваркин однажды буркнул:

– Ты, трепло, случайно не из буржуев сам будешь?

Демьянов сразу покраснел и стал клясться, что он происхождением из самой что ни на есть псковской рабоче-крестьянской семьи, пострадавшей от кулаков-мироедов, и по этой причине был принят в местный аэроклуб в возрасте еще четырнадцати лет.

На какое-то время словоохотливый Алешка сдулся. А потом опять осмелел.

Выйдет, бывало, на аэродромную полосу, вдохнет полной грудью да и скажет (если, конечно, поблизости своих нет и рядом только один Вася):

– Хорош здесь воздух! Пьешь как воду...

Чиваркин спрашивает:

– Чем тебе, Лешка, в России воздух хуже?

А тот отвечает с обезоруживающей откровенностью:

– Не такой он, Вася! Ей-ей, не такой...

Чиваркин пробурчит про себя «ну-ну» и дальше молчит.

Правда, однажды товарища предупредил:

– Попадешься ты со своим языком... Я – одно дело. В случае чего, я тебя не слышал и глупости твоей не понял. А ляпнешь что-нибудь у нас: прощай карьера советского штурмана.

А с того как с гуся вода.

Эти Алешкины выходки не только воздуха касались. Достанет сигаретную пачку, распакует, воткнет сигарету в уголок рта, чиркнет зажигалкой, на которой с одной стороны изображен белый орлан, а с другой полуголая девица, и как нарочно:

– Хорошие у американцев сигареты. Я после них наш табак курить не могу – дерет горло, как наждаком.

Здесь Чиваркину крыть нечем. Действительно, у американцев сигареты хорошие. А Демьянов как ни в чем не бывало затягивается с наслаждением и продолжает:

– Что буду делать без них – ума не приложу!

Вася скажет:

– Заткни свой рот! Тебе и прилагать нечего за неимением этого самого ума.

А Демьянов необидчивый:

– Брось ты дуться! Я же правду говорю. У нас коммунистическая партия требует говорить правду? Требуется! Требуется быть искренним? Требуется... Вот я, к примеру, как комсомолец, и ты, к примеру, как коммунист...

Разговоры о Васиной принадлежности к партии его всегда выводили из себя – дело это казалось ему интимным и касалось только его самого: поэтому, стоило только болтуну-штурману коснуться партийного вопроса, он разговор обрывал.

Что же касается штурмана – не было в словах Демьянова никакой издевки над товарищем. Совершенно не хотел он его провоцировать и подначивать – получалось все у Алешки искренне – и восхищение «Кэмелом», и безопасными бритвами Magazine Repeating Razor, и досада на кондовые отечественные папиросы: вот за такую-то простодушную откровенность Вася на него больше всего и злился.

Демьянов даже толстую негритянку хвалил. Их казарма и барак обслуживающего персонала столовой находились напротив друг друга. Однажды, когда из-за дождя летчики застряли в Фэрбанксе на целые сутки, вышедший ненадолго в душ Чиваркин, вернувшись, застал своего товарища за постыдным занятием. Прильнув к подоконнику Лешка жадно смотрел на соседние окна – а в одном из них, освещенная лампой, красовалась Нина: видимо, только сменилась с дежурства. Раздевалась она медленно. Алешка глаз от нее не мог отвести, да и Чиваркин застыл, словно вор, застигнутый на месте преступления. Но самое ужасное оказалось в том, что Нина знала: за ней наблюдают. В конце импровизированного стриптиза, перед тем как выключить свет, повернулась к двум ошарашенным летунам теперь уже во всей нагой красе, распахнула в улыбке белозубую пасть, дескать, вижу, как вы мною любуетесь, и мило им помачала. От позора Чиваркин не знал, куда и деваться. Алешка же, лежа на койке с сцепленными за головой руками, глядел в потолок и в восхищении приговаривал:

– Смотри, какая красавица! Уж я эту молодку не упустил бы. Такая шоколадка!.. Эх, жить бы мне в Америке! Женился бы. Точно женился. Хорошая здесь жизнь – машины, домики. А главное – тихо. И воздух! Что ты скажешь на это, Вася?

А Васе и говорить нечего – зубами скрипит.

Так они и существовали друг с другом, ругались, но не сильно, пока в очередной их прилет какому-то местному механику, которому при довольно частых встречах Алешка всегда улыбался и кричал «Хау ду ю ду?», не взбрело в голову по доброте душевной подарить Демьянову новенькие, только что вышедшие с завода кожаные ботинки Service Shoes Reverse Uprer из легкой, хорошо гнущейся и быстро сохнущей при намокании кожи – писк армейской моды. Судя по всему, умыкнутые со склада ботинки (а всяких складов в округе было бесчисленное множество) не подошли похитителю, вот он и сделал в отношении русского широкий жест. Оказавшись в казарменной комнате, Демьянов даже взвыл от радости, когда взялся их ощупывать да рассматривать.

– Чего радуешься, дурень? – сказал тогда Чиваркин. – Они же тебе велики.

– Ничего, зашнурую – будут, как влитые. Я, Вася, давно мечтал о таких ботинках. Мне, Вася, наша неудобная обувь до чертиков надоела: тяжелая, зараза, как боты у водолаза. Я теперь в таких ботинках король: да они тыщу лет протянут – ясно, что фирма... Посмотри только, какое качество! А шнуровка? Шнуровка!

И взялся Демьянов этими ботинками тыкать Васе под нос да их нахваливать, а заодно – ну, куда же без этого! – и американскую обувную промышленность, которая снабжает штатовские армию и воздушный флот таким вот желтым кожаным чудом. Радовался он при этом, как ребенок, даже постоянно обновку нюхал – то левый поднесет, понюхает, то правый. Вася, понятное дело, ему ответил:

– Наши не хуже делают!

– Да ну?! – удивился Алешка. И ведь искренне так, подлец, удивился. – Кирзачи да башмаки, которые разваливаются при первой же слякоти? А обмотки? Пока обматываешь ноги – страдаешься. Неслучайно – «страдания». Вот выдал мне Степаныч со склада новенькие хромовые сапоги. И где они? Полгода ведь не прошло. А ведь клялся – лучшее, что есть. Я

Степанычу верю. Он всегда самое хорошее достает. И сейчас хожу вот в этом дерьме, – показал на брошенные в угол свои весьма скромного вида отечественные полуботинки.

Не такое уж это было дерьмо, и Вася завелся:

– Америка твоя живет как у Христа за пазухой. Жрет, пьет да богатеет. А нам все из огня да в полымя. Империалистическая, Гражданская... теперь вот эта. Ничего, война кончится, дойдет дело и до ботинок.

– А дойдет ли?

– Ты к чему? – насторожился Чиваркин. И даже прислушался – не стоит ли кто за дверью?

– Я, Вася, ко всему здесь давно присматриваюсь – к тому, как они самолеты делают и нам поставляют чуть ли не в упаковке; к их столовым, к холодильникам. Продовольствие только чего стоит! Консервированные бобы, тушенка. Все с толком. Они же в банках каждый кусочек сала проложат особой бумагой. Организация, Вася! А за такой вот организацией следует жизнь: с размахом, где все для человеческого удобства – кондиционеры, сетки. Хочешь разницу? Перелети пролив. Вот у нас строят такие бараки, теплые, удобные, чтобы отсеки на двух, чтобы тебе душ, вот так, в двух метрах, встань только и кран поверни? У нас в баню надо чуть ли не строем бегать за полкилометра. И сеток нет от гнуса. Мелочи, Вася? Нет, Вася, не мелочи... Забыл, как в Уэлькале мы с тобой загибались от холода? На стены ведь лезли! Землянка, печка на полу, а пол земляной – в сорок-то градусов морозца, а?! Поэтому вряд ли у нас такое получится...

– И в чем же, Алешка, дело? – спросил, поднимаясь с койки, Чиваркин.

– А во власти дело, Вася, – нагло ответил коммунисту Чиваркину двадцатипятилетний комсомолец Демьянов, – в ней-то все и дело.

За дверью точно никто не стоял. Ветерок поддевал занавески. Заставив позвенеть оконное стекло, пронеслись над бараком два «бостона» курсом на Ном, а оттуда – за Берингов пролив, к унылой тундре, к сибирским перегонам, к далекому фронту, на котором жить этим «птицам» всего ничего – месяца два-три, и хорошо еще, если дотянут они после очередного вылета – пробитые, израненные – до полевых аэродромов, где их и разберут на запчасти.

– Значит, Сталин виноват? – прямо и тяжело спросил Чиваркин.

– Значит, Сталин, – откликнулся совершенно обнаглевший гад.

Чиваркин даже не испугался. Злость – вот что все перевесило. Никогда он еще так не злился на своего напарника. И ответил сокровенное: сказал о том, о чем сам неоднократно задумывался, все так же взвешивая каждое свое слово:

– Дурак ты! Дело не в Сталине, а в таких, как ты. С таким народом, как наш, кого ни поставь, все одно выйдет...

Однако Демьянов упрямо дудел в одну и ту же дудочку:

– Нет, Вася, не в народе дело. В Сталине. В нем, родимом...

Впервые со дня своего знакомства со штурманом Чиваркин забыл себя от ярости: сгреб бастал Демьянова за грудки. Однако штурман тоже был не лыком шит – привык к дракам. Скатились противники с демьяновской койки на пол и давай друг друга валтузить. Возились до тех пор, пока не раздались в самом конце длиннющего казарменного коридора шаги: один из приемщиков уже торопился за ними. Пилот и штурман очнулись, вскочили и схватились приводить себя в порядок. На настойчивый стук в дверь Чиваркин, едва переведя дыхание, прохрипел:

– Подождите! Сейчас одеваемся.

О ссадине под левым глазом он знать не знал – не догадался поглядеть на себя в зеркало. Алешка, мерзавец, понятное дело, ничего ему об этом не сказал. И ведь, сволочь, натянул американские ботинки, а отечественные в угол задвинул...

Спецы, которые встречали их на полосе, весьма заинтересованно на обоих поглядывали. А процедура передачи шла своим ходом: новорожденный «Жучок» сверкал на солнце – насто-

ящий красавец! Планшеты, парашютные сумки – все было готово; маршрут знаком; небо безоблачно; вот только настроение у обоих хуже некуда, да и видок – будьте любезны. Главный из приемки, озабоченный прежде всего состоянием техники и подписаниями актов, интеллигентно, под предлогом отозвал взъерошенного Чиваркина в сторону и шепотом сделал ему втык:

– Что это с вами, товарищ капитан? Вы откуда вылезли на свет Божий? И штурману своему укажите на безобразие. Стыдно перед союзниками.

А что Васе отвечать? Только одно:

– Виноват, исправлюсь!

Все еще сопя и стараясь не глядеть друг на друга, оказались они под самолетом. Осмотрели «брюхо». Обошли «бостон» вместе с нашими и американскими техниками – Чиваркин с одной стороны, Демьянов с другой. Потрогали крылья и хвост. А что дальше? А дальше вот что: бомбардировщик сдан, бомбардировщик принят, бумаги в порядке, инструктаж выслушан, замечания приняты – пора в путь-дорогу. Предупредили их, что надвигается грозовой фронт, только Чиваркин с Демьяновым были так расстроены, что предупреждение пропустили мимо ушей. И полезли: пилот – в кабину, штурман – в турель на место стрелка. Перед тем как Чиваркин запустил моторы, посидели немного молча.

Алешка одно спросил:

– Ну что, сдашь меня, Вася?

– Пошел ты! – ответил Чиваркин.

Больше они не разговаривали.

Заревели «райты», покатился «бостон» по взлетной полосе, поднялся и полетел на восток. Замелькали внизу бесчисленные коробки фэрбанкских складов, дома, вышки, узкая полоса дороги, а затем потянулись под крыльями пространства Аляски: горы и распадки, в которых хозяевами себя чувствуют только волки с медведями, да озера с реками – убежища хищной форели.

Прошел час полета – внизу все одно и то же. Чиваркин молчит, штурман молчит – а впереди появилась едва заметная облачная полоса и принялась расти, обхватывая собой горизонт. В течение минут пятнадцати так все вокруг захватила, что «Жук» поплыл уже в плотном окружении дымки.

Волноваться по большому счету было нечего, несмотря на усиливающуюся непогоду, моторы гудят, кресла удобны, штурвал послушен – в таких условиях прежде они и кофейку могли хлебнуть, который в термосах традиционно сунули каждому с собой предусмотрительные приемщики, но на этот раз было обоим не до американского кофе.

Когда показалась совсем уж мрачная туча, Чиваркин заложил крутой вираж, чтобы ее обойти.

Вот, пожалуй, и все.

Вскоре вновь распогодилось, стали видны внизу распадки и горы, четкие, как на самых качественных фотоснимках. Чиваркин, обнаружив ссадину под глазом и до нее иногда дотрагиваясь, все это время раздумывал – заговорить или не заговорить со своим непутевым штурманом. Конечно, долго злиться на этого осла Вася не мог, несмотря на свою коммунистическую закуску; сдавать его он тем более не собирался. Поразмывлял поначалу сторяча Чиваркин о том, не подать ли ему рапорт начальству «о несовместимости характеров», но потом, как всякий русский человек, поерзал, повздыхал, размягчился и начал уже думать над тем, как наладить отношения. Правда, несколько обижало его то обстоятельство, что Демьянов навстречу ему вроде как бы и не собирается идти: забился в кабину стрелка, словно сурок в нору, молчит себе и молчит уже второй час.

Чиваркин решил начать первым. Позвал по переговорному:

– Лешка! Слышь меня?

Молчание.

– Ладно, кто старое помянет...

Молчание.

Чиваркин тогда про себя чертыхнулся и, занятый штурвалом, сказал:

– Молчишь? Ну, молчи, молчи...

И после благополучного перелета сел в Номе – городишке золотоискателей, советских и американских авиаспецов и временном приюте таких, как он, воздушных перегонщиков.

II

Дальше все завертелось, словно в самом чудовищном сне. Уже через пятнадцать минут после того, как «бостон» коснулся шасси бетона, застыл потрясенный пилот в помещении здешнего штаба перед командиром полка подполковником Мишиным и особистом майором Крушицким. И был Вася белым, как сама смерть.

Особист появился в Номе совсем недавно: странная птица, для чего сюда залетела, никто не знал. Держался Крушицкий чуть ли не на равных не только с комполка, но и самим командиром 1-й перегоночной дивизии. Вид майор имел болезненный: худой, губы тонкие, глаза лихорадочные, скулы так обтянуты кожей, что, кажется, она вот-вот на них и порвется. Кроме того, он часто кашлял. В полку пришли к выводу, что приписан Крушицкий к 1-й авиаперегоночной ввиду своей полной непригодности к фронту. Судя по всему, никакого отношения к авиации он прежде не имел, интересовался чисто земными вещами – летным бытом и экипировкой. Особо почему-то привлекали майора парашюты – несколько раз наблюдал он за тем, как укладываются парашютные сумки, задавая по ходу дела вопросы. Вел себя до поры до времени корректно, не выпячивался, обращался к личному составу вежливо и по уставу. То, что особист после известия об исчезновении штурмана совершенно потерял лицо (у майора задрожали пальцы, кроме того, он то и дело расстегивал и застегивал верхнюю пуговицу гимнастерки), не ускользнуло от внимания хранившего внешнее спокойствие фронтовика Мишина: правда, комполка отнес этот явный психоз на счет опасений майора за возможный крах своей карьеры. Но все равно подполковнику, несмотря на весь трагизм ситуации, показалось: особист что-то уж чересчур о пропавшем волнуется – несвойственное поведение для прежде достаточно сдержанного пришельца...

Вася столкнулся с гневом Крушицкого гораздо раньше. Хлипкий варяг зачем-то околачивался на полосе во время посадки «бостона» – словно ожидал прибытия. Когда выяснилось, что пропал штурман, Чиваркин там же, на полосе, едва не был особистом застрелен.

Майор и в кабинете подполковника не успокаивался:

– Сбежал?

Летчик как воды в рот набрал. В связи с последними высказываниями и последовавшей вслед за тем дракой старший лейтенант Демьянов вполне мог дезертировать, надеясь на содействие американских властей, – на флоте уже бывали подобные случаи с членами команд, прибывших принимать новые корабли. Не обнаружив товарища в кабине стрелка (а это были самые страшные мгновения в Васиной жизни), Чиваркин поначалу именно так и подумал. Но после первого шока, когда он обшарил глазами кабину, ему открылось одно существенное обстоятельство.

Начальство ждало разъяснений. В конце концов коммунист Чиваркин собрался, облизал губы и сказал особисту:

– Обходя грозовую тучу, я заложил вираж, во время которого штурман и вылетел. Колпак турели был распахнут.

– Почему?

– Что почему?

– Почему был распахнут колпак? – Особист схватился за виски и стал судорожно их массировать. И ответил сам себе: – Да нет же. Он дал стрелача, сукин сын. Выпрыгнул! Черт...

В этом «черт» звучало такое отчаяние, что Чиваркин невольно вздрогнул.

– Я думаю, Демьянов вылетел в момент моего виража, – с затруднением, словно выталкивал из себя что-то очень тяжелое, сказал Вася.

– Прекрати покрывать штурмана! – оборвал его особист Крушицкий, переходя на «ты». – Какого черта ты его покрываешь? Врешь – никакого виража не было. А если и был, то он мог выпрыгнуть раньше. Зачем ему понадобилось открывать колпак?

Повернувшись к Мишину, особист прохрипел:

– Обратите внимание, товарищ подполковник, на то, что Чиваркин сознательно лжет.

– Прежде всего, товарищ майор, давайте успокоимся, – примирительно сказал командир полка. – И слушаем пилота.

– Он не сбежал, – доложил Чиваркин, обращаясь к Мишину. – Он вылетел. И вылетел именно по моей вине.

– Вася, а ты в этом уверен? – спросил комполка.

– Ботинок, товарищ подполковник, – вздохнул Чиваркин.

– Что ботинок?

– В кабине стрелка я нашел расшнурованный ботинок. Демьянов почему-то снял его. Он не собирался покидать кабину. Алешку выбросило.

– Но колпак-то он распахнул! – продолжал наседавать на Васю Крушицкий.

Мишин сказал:

– Штурманы иногда распахивают колпак для того, чтобы определиться с местоположением. Я хочу вот о чем поразмышлять. Товарищ майор, как вы думаете, может ли находящийся в здравом уме и памяти человек, который, допустим, собирается совершить побег и наверняка заранее к нему готовится, выпрыгнуть в безлюдной гористой местности с одним только планшетом, имея на себе всего один ботинок, а другой для чего-то оставив в турели?

– Где обувь? – вскинулся Крушицкий.

– В кабине. Я ничего не трогал, – сказал Чиваркин.

– Это ты, Вася, правильно сделал, – задумчиво произнес Мишин, продувая отечественную папиросу. Затем, с помощью самодельной зажигалки-гильзы, которая прописалась в карманах его галифе еще с 41-го года, прикурил ее. – Товарищ майор, пойдемте-ка осмотрим самолет.

Троица отправилась на взлетную полосу: туда, где возле еще не остывшего «бостона» рассеянно топтались несколько техников. Не успел подполковник обратиться к обслуживающему персоналу, как Крушицкий, забежав вперед, приказал всем немедленно удалиться. Затем, когда техники послушно отправились с поля, вновь окликнул их, вновь к ним побежал, совершенно не заботясь о том, какое впечатление он произведет своей суетливостью, и тихо о чем-то поговорил с техническим составом, после чего самолетные чернорабочие одновременно приставили руки к головным уборам (кто к пилотке, а кто к совершенно неуставному берету) и весьма быстро очистили полосу.

Мишин приказу особиста удивился – хорошо знакомые с «Жучком» спецы, в случае необходимости, могли бы выступить консультантами, – но возражать не стал.

Крушицкий первым полез по технической лесенке к турели стрелка, сунул в кабину голову, быстро скатился вниз и молча отошел в сторону. На его лице отобразилась мучительная дума. Затем, нещадно дымя папиросой, место происшествия осмотрел комполка. За ним – для чего-то еще раз – несчастный Чиваркин. Новенький американский вещдок по-прежнему находился в кабине как напоминание о друге. Вася вспомнил, как всего несколько часов назад в уютной казарме базы Лэдд-Филд восторженно тыкал ему в нос этим проклятым ботинком несчастный Алешка; представил себе горно-лесистую пустыню, над которой «бостон» только что пролетел, – и Чиваркину стало совсем нехорошо.

Повисло угнетающее молчание. Мишин жевал очередную папиросу. Зажигалка совершенно расхотела работать, словно чувствовала напряжение, – напрасно подполковник ее тряс. Крушицкого ботинок больше не интересовал – особист о чем-то усиленно размышлял: так напрягся, что даже морщины на лбу разгладились.

«Загребут, – думал Чиваркин, уставившись в бетон и завидуя ползущему мимо беспечному, неторопливому жуку. – Как пить дать загребут. Будут трясти как грушу. Хорошо, если потом на фронт. А если законопатят? Лет на пять. Или на десять, без права переписки. Может, прослышали про наши с Лешкой разговоры?»

Ничего хорошего от будущего он не ждал.

Подполковник бросил бесполезную борьбу с фронтовым амулетом, безжалостно сдал папиросу и сказал:

– Так или иначе – штурмана надо искать. Сообщу в штаб дивизии. Доложим американцам. Они поднимут амфибии – средств и возможностей у них для этого хватит...

И здесь особист повел себя совершенно уж странно: Крушицкий поперхнулся, замахал руками, как мельница, и подскочил к подполковнику. От волнения он перешел на сип:

– Какие американцы? Никаких американцев! Вы слышите? Никаких! Никакого штаба дивизии! Товарищ подполковник, это приказ. Дело чрезвычайно важное. Чрезвычайно... Только своими силами. Только своими... я сам свяжусь, я...

Мишин удивленно посмотрел на майора и медленно отчеканил:

– Во-первых, я обязан доложить о ЧП. Ситуация, на мой взгляд, ясна: человека надо искать. И чем скорее, тем лучше. Во-вторых...

Крушицкий не унимался:

– Товарищ подполковник! О ЧП наверх докладывать буду я. И докладывать в том случае, если в течение недели мы имеющимися здесь, на базе собственными средствами его не разыщем. Еще раз повторяю: искать будем своими силами. И чтобы ни одна муха об этом не знала. Ни одна...

– Без американцев вряд ли найдем, – ответил подполковник.

– Я же сказал: никаких американцев.

– Гидроплан нужен, – угрюмо твердил Мишин. – Без гидроплана нечего делать.

– А что у нас в наличии? – спросил майор.

Мишин вздохнул и ответил:

– У нас в наличии старенький латаный-перелатаный Ш-2. Слышали о таком? Смех один, а не машина. Двигатель уже тысячу раз перебирали. Все равно – едва тянет: два-три часа полета – нужно искать посадку. Перегревается. Почту еще можно доставить. Слетать туда-сюда. А у американцев, хочу напомнить, «каталины»: два «Прайд энд утни» – тысяча двести лошадок. Звери! Дальность полета – четыре тысячи километров... Что там Аляска – они готовы сутками над океаном висеть.

Однако майор Крушицкий был непробиваем:

– Товарищ подполковник, я достаточно ясно высказался. Если под рукой ничего больше нет, давайте свой Ш. Черта в ступе давайте, но только чтоб тихо...

И потащился бледный Чиваркин за обоими начальниками обратно в здание штаба, в кабинет Мишина, в котором и разложил подполковник на столе летную карту. Все на той карте пестрело значками и обозначениями, все там выглядело исключительно компактным, хотя Чиваркин, не раз летавший по маршруту, хорошо знал: каждый сантиметр обозначает такие расстояния, которые за день и на автомобиле не преодолеть, не то что пешком.

– Вася! Ты соберись, соберись, – вернул пилота из прострации командир. – Покажи, как шли.

И Вася, собравшись, показал как.

– Здесь чуть отклонились, – вспомнил. – Над пиком «пятнадцать-двенадцать». Точно знаю. Хорошо пик видел. Потом вернулись на трассу. Вот здесь, кажется, встретили грозовой фронт... Шли в облаках какое-то время...

Докладывая, Чиваркин немного успокоился. Вскоре уверенность его до того выросла, что летчик взял один из командирских карандашей, лежащих на столе, показывая предполагаемые

отклонения. Спокойствие, с которым в отличие от майора, обкусавшего все ногти на пальцах, Мишин его выслушивал, подбадривая кивками, породило надежду: может быть, все образуется и, чем черт не шутит, отыщется в стогу сена, которым была для Чиваркина чужая, то ледяная, то чересчур жаркая Аляска, микроскопическая игла – непутевый штурман Демьянов. Возле еще одного ориентира – пика «пятнадцать-шестнадцать» – карандаш задержался.

– Кажется, здесь.

– Кажется? – откликнулся майор.

– Более подробные координаты дать не могу, но район точно этот.

– Около пятидесяти километров в радиусе, – присвистнул подполковник, обводя территорию вокруг пика жирным красным цветом. – Веселенькое дельце...

– После виража я обошел «пятнадцать-шестнадцать» слева, – вспомнил Чиваркин.

– И где, по-твоему, примерно он выпал?

– Думаю, слева от пика и вылетел...

– А высота?

– Не менее тысячи пятисот...

– Значит, открыть парашют мог?

– Мог, – с надеждой подтвердил Чиваркин. – Открыл... Товарищ, подполковник, разрешите, я полечу?

– А тебе, Вася, деваться некуда. «Жучок» твой на родину другие перегонят, а ты будешь искать своего штурмана, пока все с ним не прояснится.

– Сколько мест на вашей колымаге? – спросил подполковника Крушицкий.

– Гидроплан трехместный.

– Хорошо. Готовьте для меня сиденье.

– Боюсь, не выйдет, – отвечал комполка. – С пилотом обязательно должен лететь техник.

Плюс место для спасенного. Если, конечно, операция завершится успешно.

– Ничего, – ответил майор. – Как-нибудь потеснимся.

– С собой нужно взять запас продуктов, – не уступал Мишин. – Медикаменты. Возможно, кое-какие запасные детали. Их тоже надо куда-то девать.

– Денете, – угрюмо сказал особист. – Привяжите к крыльям. Голь на выдумки хитра.

– Вот именно, голь, – вздохнул Мишин. – И все-таки, товарищ майор...

– Товарищ подполковник, – в свою очередь сказал майор. – Решение не обсуждается.

Дело государственной важности.

III

Дело действительно оказалось государственным и в высшей степени важным, но о сути того дела разволнованный Крушицкий рассказать подполковнику не имел никакого права. А суть заключалась вот в чем: помимо жизни явной – бесперебойной переправки самолетов и грузов – не менее интенсивно кипела по всему «Алсибу» еще одна, известная лишь немногим, жизнь. Разведка двух стран не сидела сложа руки: правдами и неправдами союзники пытались выудить друг у друга как можно больше секретов. Американцы активно обхаживали советских спецов, подсылая к тем из них, кто занимался приемкой, «казачков», которые исподволь, как бы случайно, затевая с русскими во время совместной работы разговоры, ненавязчиво старались склонить последних к сотрудничеству, а то и к прямому бегству. Для таких «тихих дел» самым беззастенчивым образом привлекалась донельзя обозленная на большевиков белая эмиграция, ее-то в Америке хватало с избытком: бывшие дроздовцы и каппелевцы под видом детройтских рабочих оказывались рядом с озабоченными инженерами из Куйбышева и Новосибирска, прислушиваясь к их разговорам, и при случае «открывались», обещая невиданные блага за передачу той или иной информации. Такие провокации, как подсовываемые тем же новосибирским и куйбышевским техникам и инженерам газеты «Наша Речь», «Новая Заря» и «Русское Обозрение», были вообще обычным делом. И нельзя сказать, чтобы подобные махинации фэбээровцам не удавались: случались утечки, и, что особенно позорно, среди советских граждан, многократно проверенных «органами», находились перебежчики. Иногда планы побега выявлялись на ранней стадии – товарищи замышляющих «сделать ноги» тоже не дремали, докладывая «кому надо» о странном поведении соседа. Но бывали проколы, за которыми «летели головы» не только непосредственных начальников беглецов, но и кое-кого повыше, что не могло не нервировать всю систему. Так что отечественная контрразведка и в злосчастном Фэрбанксе (где ей только и оставалось, что «глядеть в оба»), и в не менее хлопотном Номе не знала ни сна, ни отдыха.

Но и русские были не лыком шиты! И большевики кое-что могли! Что касается советского шпионского ведомства, Лубянку интересовали возможности американской авиационной промышленности. Время от времени переправлялись в Россию материалы чрезвычайной важности, и «Алсиб» играл в той переправке далеко не последнюю роль. Голь действительно была хитра на выдумку – порой «финты» советских разведчиков приводили ФБР в настоящий ступор. «Друзьям»-американцам приходилось ломать голову, чтобы хоть как-то противодействовать напористости «этих русских», ибо в ходе шпионской катавасии, не менее интенсивной и головокружительной, чем полеты над Аляской истребителей и бомбардировщиков, Советы постоянно совершенствовали не только способы добычи сведений, но и способы их надежной доставки. Схватка усложнялась по мере того, как росло количество изготавливаемых на заводах «Боинг» изделий. Задача приобретения данных о приборах бомбометания, сплавах, ноу-хау в авионике становилась все более актуальной, а противодействие американской контрразведки, быстро набравшейся необходимого опыта, – все более ощутимым.

И вот какому-то умнику пришла в голову мысль переправлять секретную информацию под носом у американских партнеров по исключительно быстрому пути. Доставляемые из авиакорпораций (в том же «Боинге» трудились на разных должностях искренне сочувствующие Советской России американские коммунисты) в Фэрбанкс контейнеры с микропленкой помещались при помощи специальных креплений внутрь парашютных сумок, которые потом надевали на себя советские перегонщики. Летчики, понятное дело, ни о чем не догадывались. Через сутки-двое поистине драгоценные для руководства страны парашютные сумки оказывались на чукотских аэродромах, где их, после того как летуны оставляли парашюты на попечение техников, освобождали от содержимого вовремя оказывающиеся в нужном месте нужные

люди. Они-то уже своими бортами и переправляли полученные данные по самому высокому адресу. Конечно, риск был – но считался малым; такая отправка себя достойно оправдывала до того момента, пока очередной контейнер не попал в сумку злосчастного штурмана Демьянова. Ситуация усугубилась тем, что содержал контейнер фотодокументы, которые в Москве ожидали со дня на день и о важности которых были осведомлены лишь немногие специалисты «плаща и кинжала». Оказавшийся в Номе майор, будучи как раз одним из тех «спецов», имел о трафике самые полные сведения, и данные ему инструкции были чрезвычайно важны: он должен встретить на аэродроме именно этот борт, взять под негласное наблюдение парашютную сумку, от которой на несколько часов избавится отдыхающий штурман, проследить за подготовкой экипажа к последующему перелету, а затем, когда сумка вновь будет штурманом надета, и за благополучным взлетом «бостона» с номского аэродрома.

Стоит ли тогда говорить, что исчезновение Демьянова особиста попросту подкосило?

IV

Отечественный Ш-2 (техники ласково называли оказавшуюся в Номе почтенного вида посудину женским именем – «Марь Ивановна») внешней красотой не блистал. Этот полуторплан с коротким нижним крылом, на котором помещались поддерживающие поплавки, свой первый полет совершил еще в начале тридцатых на Крайнем Севере в качестве санитарного самолета (вот почему в отличие от других Ш-2 кабина на нем была закрытой). Трудилась «Марь Ивановна» и в Белоруссии, и в Карелии, пока волею обстоятельств, весьма уже потрепанная, прошедшая два ремонта, не оказалась на Дальнем Востоке. Двигатель М-11, подобно многим своим отечественным собратьям, не отличался такой железобетонной надежностью, которой могли похвалиться заокеанские «прайды», но по мере сил своих (скромные сто лошадиных сил) раз за разом поднимал «Марь Ивановну» над Беринговым проливом до высоты трех тысяч метров, добросовестно доставляя ее с одного материка на другой. В последнее время Ш-2 держали в Номе: интенсивность перелетов требовала постоянного нахождения на перегонном аэродроме представителей штаба дивизии. Стрекотала «Марь Ивановна» и по маршруту Ном – Фэрбанкс, имея пусть и небольшой, но все же опыт посадок на аляскинских холодных озерах. Несмотря на хлипенький мотор, в этих полетах не возникало с самолетом проблем по одной простой причине: за гидропланом был самый тщательный уход. Ухаживала за «Марь Ивановной» единственная в авиадивизии представительница слабого пола, трудившаяся в составе технического персонала. Попала в 1-ю авиаперегонную Людмила вместе с мужем, но муж, летчик, перегнавший не один «бостон», был отправлен на фронт. Война не знает сентиментальности – молодая жена, несмотря на просьбы перевести ее к супругу под Курск, осталась в самом глубоком тылу вместе с приставленным к ней гидропланом, который изучила до последнего винтика. Все здесь звали Людмилу по отчеству – Богдановна, – что говорило о крайней степени уважения. Работала Богдановна, как киношная трактористка Марьяна, исключительно добросовестно. Это благодаря ее упрямству все необходимое на старенький гидроплан доставлялось вовремя, уход за двигателем после каждого вылета был самый тщательный, при малейшем «кашле» мотора следовал его осмотр; кабина поддерживалась в идеальной чистоте; пожелания летчиков, касающиеся поплавков, закрылков и прочих самолетных деталей, немедленно выполнялись. Комбинезон Богдановны лоснился от машинного масла; кроме того, носила странная Людмила огромную кожаную кепку, под которую прятала свои рыжеватые волосы, в результате чего сильно смахивала на подростка. Однако по поводу одежды (как и по поводу весьма небольшого росточка) нисколько не комплексовала. Ко всем прочим своим достоинствам была она чересчур независима: могла послать «по матушке» даже старшего по званию, если на то находилась веская причина. Подобное непочтение старшие, как правило, пропускали мимо ушей. Скорее всего, днюя и ночуя возле своего Ш-2, женщина отвлекалась от мыслей о муже и, опекая «старушку», хоть как-то успокаивалась. «Марь Ивановне» это шло только на пользу – в итоге гидроплан постоянно был на ходу, и, что самое главное, на скромный самолетик в любое время могло рассчитывать начальство, хотя бдительная церберша не раз предупреждала: мотор на износе и в любой момент может гикнуться.

V

– Две канистры бензина, – загибая пальцы, сразу принялся перечислять техник, узнав о причине своего вызова, – а также кусок брезента, ведро, два куска мыла, одеяла – желательно штук пять-шесть...

– Ведро тебе зачем? – вскинулся Мишин.

– А куда в полете прикажете справлять естественные надобности? – не моргнув глазом спросила Людмила. – Писать, простите, куда, если приспичит? Да не смотрите на меня так, товарищ подполковник: я, если что, отвернусь. И мужчина отвернется...

– В данном случае – мужчины. С вами полетит еще один пассажир, – сказал Мишин, кивнув на мрачного майора.

– Некуда запихнуть вашего пассажира, – нагло, снизу-вверх ответила маленькая Богдановна. – Я уже говорила – две канистры, одеяла шесть штук, брезент... Инструменты кое-какие, запаска... Ящика три, не меньше.

– Люда, это даже не обсуждается.

– Куда его сунуть? – без всякого почтения к стоявшему рядом с Чиваркиным особисту спрашивала ершистая Людмила.

– Сунете! – отрезал подполковник. – Хоть на крыло сажайте. Разговор окончен. Давай дуй на склад, возьми самое необходимое по моему особому распоряжению. Все, что там найдешь для себя, – гребни. Вот бумага. И – с Богом!

– Товарищ подполковник, распорядитесь, пожалуйста, насчет бинокля, – жалобно напомнил Чиваркин. – Желательно морского, если в наличии. А лучше – двух, раз полетим вдвоем.

– Морские, Вася, я тебе вряд ли найду. Артиллерийские попробую... Людмила, загляни-ка к ребятам на вышку.

Прошло еще какое-то время. Мишин исчез. За дверьми кабинета шла обычная жизнь: гремели по крыльцу и шаркали по полу сапоги приходящих и уходящих спецов, тренькали телефоны, временами кто-то монотонным голосом надиктовывал метеосводку, иногда включалась радиосвязь и, вперебой с родной речью, слышалась английская с неподражаемым американским «рррр». Неожиданно проснулась аэродромная полоса; отдохнувшие несколько часов на ней, словно перелетные гуси, ленд-лизовские «киттихоуки» один за другим пронеслись перед окном, возле которого застыл незадачливый Вася, взмыли в небо и взяли курс на отечественный Уэлькаль. Следом с еще большим ревом над Номом поднялось звено «бостонов». Сердце Чиваркина заныло так ощутимо, что он невольно вынужден был помассировать левую сторону груди, – именно в том строю и должен был сейчас находиться их с Алешкой «Жучок».

Майор старательно изучал карту, делая пометки в своем блокноте.

– По бокам пика протекают реки Хашиба и Тэш, – размышлял вслух. – Хашиба с южной стороны хребта приводит прямо к селению Хэви-Литтл. Если следовать вдоль ее берега и обойти озера Лоурк и Ноуви, будет дня три пути, не больше. Сделаем поправку на отсутствие обуви и прибавим еще один день: итого – четыре. Если штурман окажется на северном склоне, то ему ничего не останется, как спуститься к Тэшу – правда, здесь у реки большая излучина. Тэш выходит через озера Большой и Малый Котэн к поселку Майткон, но пробираться туда при самом благоприятном стечении обстоятельств неделю, не меньше. Так что весь вопрос в том, на какой стороне хребтины он приземлился... Если приземлился, конечно...

Появился подполковник, лично проследивший за отправлением к гидроплану грузовика с канистрами, брезентом и одеялами. Прибежала Богдановна с вещмешком, набитым тушенкой, буханками хлеба и столь знакомыми Чиваркину по Фэрбанксу плитками американского шоколада. Кроме своего сидора, а также двух пустых вещмешков, предусмотрительно прихваченных со склада для спутников, молодая женщина притащила бинокли – пока она спешила к

зданию, Вася видел, как кожаные футляры тяжело болтаются на ее маленькой груди, и невольно поразился энергии, с которой «трактористка» взялась за дело.

Крушицкий вновь принялся распоряжаться. Расстроенного летчика вконец добило требование особиста сдать документы. Чиваркин в первый раз возразил:

– Мы что, на вражеской территории?

– Пока нет, – многозначительно ответил майор, – но удостоверение оставьте здесь.

И расстегнул нагрудный карман своей гимнастерки.

– Пуговичка у вас болтается, – тотчас разглядела клапан майорского кармана домовитая Богдановна, у которой документов с собой не оказалось, – надо бы пришить...

– Не до нее! Сдавайте удостоверение, капитан.

Мишин беспрекословно открыл ключом маленький ящичек-сейф. «Плохая примета, – кольнуло Васю, – как в разведку идем». Но выступать не стал. Крышка ящичка тотчас захлопнулась, пряча в себе прежнюю Васину жизнь, и настолько теперь хорошей показалась капитану та его заполосная жизнь между Фэрбанксом и Уэлькалем: он даже удивился, что раньше так ругал ее, думая, что является самым несчастным человеком на свете. Впрямь: от добра добра не ищут. Оставшись без документов, Чиваркин неожиданно почувствовал себя голым. Честно говоря, отвратительное это было чувство. Выходило, что теперь он «никто», серый «мистер Х», и случись с ними беда, если и найдут останки несчастного капитана Василия Ивановича Чиваркина, то похоронят его как неизвестного. Даже у Лешки Демьянова, которого они отправлялись искать, есть офицерская книжка, а значит, шанс, что не сгинет штурман бесследно. А вот он, Вася, благодаря этому чертову майору, очень даже может сгинуть. Он мельком взглянул на женщину – вот «амазонке»-то все равно: она по поводу непорядка с крошечной пуговицей сокрушается! Непонятные все-таки женщины существа: словно с другой планеты.

Перед вылетом состоялось краткое совещание. Зону поиска поделили на квадраты. Поначалу решили обследовать окрестности самого пика, а затем облететь хребет с южной и северной сторон. В 1-й перегоночной, как правило, служили «северяне», прошедшие школу полярных полетов, поэтому Мишин в Чиваркине не сомневался: тем более тот не раз брал штурвал Ш-2 еще во время службы под Мурманском. А вот на болезненного Крушицкого поглядел с некоторым недоверием: не нравились ему вид и кашель майора. Подполковник предложил представителю «органов» утеплиться и, после того как тот дал согласие, распорядился с одеждой: особисту вручили кожаную куртку и летный шлем. Разыскали для него и подробную карту района, правда, на английском, зато с тщательным указанием высот, речных и озерных глубин, а также сигнальницу с комплектом из десяти ракет. Личное оружие – ТТ с запасными обоймами – было и у капитана, и у майора.

– Медведей отогнать хватит, – со знанием дела сказал подполковник.

VI

И трех часов не прошло с момента появления Чиваркина в штабе, как выехали они на добротном союзническом «виллисе» на окраину захолустного Нома, – постоянно библикая, объезжая не торопящихся свернуть с их пути местных собак и их хозяев, которые приветствовали русских улыбками и взмахами рук по распространенной, пожалуй, во всех подобных городках мира провинциальной привычке улыбаться и приветливо махать руками любому приезжему, – и подкатали к океанскому берегу.

В бухте, прикрытой от волн дамбой и боновыми ограждениями, располагался еще один аэродром: союзники зорко следили за японскими субмаринами. Подходы, ангары, мостки – все было сделано аккуратно, толково, с чисто американской любовью к удобствам. Богдановну янки знали, подполковника тоже; вальяжные часовые, такие же приветливые, как местные собаки и рыбаки, кивнули им, пропуская машину на базу. Добраться до потрепанной «Марь Ивановны» труда не составило – Ш-2 приткнулся к ближнему пирсу.

Недалеко от краснорозетной «Маши» отдыхала «Каталина»: настоящий плавающий дом с невероятной дальностью полета. Чиваркину не так давно удалось на одной такой «Каталине» побывать: что говорить, он был потрясен просторностью «американки». Пять отсеков внутри корабля-самолета закрывались герметически, как на подводной лодке. Впечатлили Васю и места отдыха для экипажа – на койках можно было комфортно выпастись, – понравились и боковые кабины, из которых велся обзор, и галюны, а особенно камбуз с кофейной машиной, готовой в любой момент выдать порцию столь любимого им напитка любому желающему.

Вздыхнув, повернулся Чиваркин к отечественному, до слез родному Ш-2. В глаза ему бросилось стоявшее на причале ведро. Возле «Марь Ивановны» уже шла суета: три техника, выгрузив привезенные канистры, одеяла и еще какие-то вещи в мешках, выстроились короткой цепочкой и передавали их на «корабль». Подполковник с майором сунулись было к «посудине», однако юркая Богдановна категорически воспротивилась помощи. Пропустив мимо ушей советы бывалого Мишина, она все распределяла сама, укладывая одно в кабину, другое – в грузовой отсек, обращаясь с имуществом по-женски толково и быстро. Под конец почти молниеносных сборов, на глазах у американских летчиков, так же собиравшихся в поход (этим парням готовила «Каталину» целая дюжина береговых помощников), сметливая русская баба примотала к фюзеляжу два ящика, сообразив со сноровкой бывалого боцмана такие веревочные узлы, что американцы на соседнем пирсе восхищенно присвистнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.